

Второе я

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Рокси айнол

18+

Рокси Айнол

Второе я

«Автор»

2026

Айнол Р.

Второе я / Р. Айнол — «Автор», 2026

Рома — мальчик, которого не замечают. Родители годами не видят его, одноклассники знают лишь его улыбку, а сам он давно забыл, что значит чувствовать. Внутри — пустота, которую он прячет за ролью идеального ребёнка. Однажды в его голове появляется голос. Артур. Тот, кто понимает. Тот, кто всегда рядом. Тот, кто предлагает помощь. Сначала — еда на столе. Потом — родительская любовь. Потом — свобода говорить то, что думаешь. Артур даёт всё, о чём Рома мечтал годами. Но у каждой помощи есть цена. Артур просит тело. Всего на день. Рома соглашается — и не подозревает, что отдаёт не день, а себя. Теперь он заперт внутри собственного разума и может лишь наблюдать, как кто-то другой живёт его жизнь. Кто-то с красными глазами. Кто-то, кто улыбается слишком широко. А где-то в тёмном зале трое существ пьют из бокалов и ждут. Ворон уже получил своё. Лиса скучает. Филин жадно собирает чужие воспоминания. Но Ворон знает: мальчик согласился — но не сдался. И игра только начинается.

© Айнол Р., 2026

© Автор, 2026

Рокси Айнол

Второе я

Второе я

Глава 1. Мальчик, которого нет

В ту ночь я проснулся от боли в голове.

Она болела невыносимо — будто кто-то сжимал череп изнутри. Медленно. Размеренно. С каждым ударом сердца.

Я лежал и смотрел в потолок. Тёмные трещины расползались по нему, как реки на карте. Я знал их наизусть. Знал, где они начинаются, где расходятся, где обрываются. Иногда мне казалось, что если долго смотреть — можно найти выход. Туда, где голова не болит.

Я встал. Тихо, чтобы не скрипнуть половицей. Пошёл на кухню.

В квартире было темно. Только свет от уличного фонаря пробивался сквозь занавески — жёлтый, тусклый, дрожащий. Я открыл аптечку. Таблетки лежали в углу, в пузырьке без этикетки. Я взял одну, проглотил. Сухо. Горько.

Голова не переставала болеть.

Я пошёл в комнату родителей.

Дверь была приоткрыта. Внутри — темнота и запах. Запах спящих людей — тяжёлый, тёплый, чужой. Отец храпел. Мать лежала лицом к стене.

— Мам, — позвал я тихо. — Мам, у меня голова болит.

Она не пошевелилась.

— Мам.

Тишина.

Я постоял ещё. Пять минут. Десять. Может, больше. Считал про себя — раз, два, три — и с каждым числом что-то внутри меня становилось меньше.

Она не проснулась.

Никто не проснулся.

Я вернулся к себе. Лёг. Укрылся одеялом с головой — чтобы не слышать тишину. Чтобы не чувствовать, как она давит на уши.

Я пролежал до четырёх утра. Потом заснул.

А в семь прозвенел будильник.

Я встал. Как обычно. Пошёл умываться. Вода была холодная — горячую отключили ещё в прошлом месяце. Я плеснул в лицо, посмотрел в зеркало.

Оттуда смотрел мальчик. Десять лет. Худой. Бледный. С тёмными кругами под глазами. Волосы торчат в разные стороны, как будто он всю ночь метался по подушке.

Я отошёл. Оделся. Пошёл завтракать.

На столе было пусто.

Ни каши. Ни чая. Ни бутерброда. Только крошки от вчерашнего хлеба, которые я забыл убрать.

Мать не готовила мне уже давно. С того самого дня, как я перешёл в третий класс. Сначала я думал — забыла. Потом — некогда. Потом перестал думать.

В этом доме было такое чувство, что меня не существует.

Я — призрак. Тень, которая ходит по квартире, открывает дверцы шкафов, ест, спит. Но никто не замечает. Никто не слышит. Единственное, что доказывало, что я не призрак, — отражение в зеркале. И то иногда казалось, что оно живёт своей жизнью.

Я взял со стола двести рублей. Последние. Мать оставила их вчера — на хлеб. Я взял.

Потом подошёл к зеркалу.

И начал тренироваться.

Улыбка. Широкая, открытая. Как у мальчиков из рекламы. Как у тех, кого любят родители. Смех. Лёгкий, беззаботный. Как будто у меня всё хорошо. Как будто я счастлив.

Я делал это уже год.

Сначала было тяжело. Мышцы лица болели. Улыбка выходила кривой, страшной. Я пугал сам себя в зеркале. Но потом — привык. Натренировал. Улыбка стала ровной. Смех — звонким. Глаза — весёлыми.

Я играл роль идеального мальчика.

И всем это нравилось.

У меня появились друзья. Учителя полюбили. «Какой воспитанный ребёнок!» «Какой самостоятельный!» «Сразу видно — хорошая семья».

Я улыбался в ответ.

Никто не спрашивал, почему я не ем в столовой. Никто не замечал, что у меня одни и те же ботинки уже второй год. Никто не видел, как я стою у окна и смотрю на чужих матерей, которые ведут своих детей за руку.

Все видели улыбку.

Этого было достаточно.

Я взял рюкзак. Вышел из квартиры. Закрыв дверь — тихо, чтобы не разбудить родителей. Хотя они всё равно не проснулись.

По дороге в школу я всегда заходил в магазин.

Маленький, на углу. Там продавали орешки на развес — арахис, фундук, кешью. Я брал горсть арахиса. Потом лимонад — в стеклянной бутылке, с железной крышкой. И сосиску в тесте — горячую, из печи, с румяной корочкой.

Это был мой перекус. Единственная еда за день, которую я ел с удовольствием.

Я убрал всё в рюкзак и пошёл дальше. Через лес. Так было быстрее — можно было не обходить через город, срезать напрямую.

Лес встретил меня тишиной.

Обычно здесь пели птицы. Шуршали белки. Где-то стучал дятел. Сегодня — ничего.

Только ветер. И снег.

Я прошёл несколько шагов.

И тут ко мне подбежала собака.

Обычно она была храбрая. Я знал её — рыжая, лохматая, жила у магазина. Всегда виляла хвостом, когда я проходил мимо. Сегодня она лаяла. Скулила. Смотрела в сторону леса и пятилась, поджимая хвост.

Я потрепал её по голове.

— Тихо, — сказал я. — Чего ты?

Она заскулила громче. Попыталась схватить меня за штанину. Потянула назад — будто хотела остановить.

Я не понял.

— Мне надо в школу, — сказал я. — Я опоздаю.

И пошёл дальше.

Собака осталась стоять. Завыла.

Я не обернулся.

Лес был темнее, чем обычно.

Может, показалось. А может — нет. Небо стало серым. Не как перед дождём — а как перед чем-то другим. Плотное. Низкое. Давящее.

Снег падал медленно. Крупными хлопьями. Ложился на ветки, на землю, на мои плечи.

Я шёл быстро. Смотрел под ноги, чтобы не споткнуться о корни. Считал шаги. Раз, два, три...

На двадцатом — остановился.

На ветке сидел ворон.

Чёрный. Как уголь. Больше, чем обычные птицы. Слишком большой. Такого размера не бывает — я видел воронов в зоопарке, они не такие. Этот был как... как человек, только в перьях.

Он смотрел на меня.

Красными глазами.

Я замер.

Ворон склонил голову. Медленно. Набок. Будто изучал. Будто знал что-то, чего я не знал.

А потом — каркнул.

Резко. Громко. Так, что заложило уши.

Я побежал.

Как только мог. Со всех ног. Рюкзак бил по спине, орешки гремели, лимонад булькал. Я не смотрел по сторонам. Только вперёд.

Школа. Скорее в школу.

Ворон не летел следом. Но я чувствовал его взгляд. Спиной. Затылком. Между лопатками.

Я добежал до школы. Влетел в двери. Прислонился к стене. Тяжело дышал.

Коридор. Дети. Гул голосов. Запах столовой.

Всё как обычно.

Но что-то было не так.

Глава 2. Зал зверей

В тёмно-серой комнате сидели трое.

Ворон — на спинке стула. Чёрный, неподвижный. Красные глаза горели.

Филин — в воздухе. Бесшумно. Глаза вращались, как два прожектора.

Лиса — на стуле. Полулежала, положив голову на лапы. Рыжая шерсть сливалась с темнотой.

Перед ними стоял стол. Обычный. Деревянный. На столе — бокалы. Три. В них — что-то красное. Густое. Пахло железом.

Филин пил. Жадно. Глотал и бормотал.

— Много... как много... сколько воспоминаний в этом году... сколько смертей... столько новых попыток... я рад... я рад...

Лиса отхлебнула из бокала. Поморщилась. Поставила.

— Какой толк от них? — сказала она. — Все одинаковые. Ничего нового. Даже мой голос не утолить.

Ворон молчал. Смотрел в бокал. Не пил.

— Скучно, — сказала Лиса. — Тысячи лет одно и то же. Люди умирают. Кричат. Плачут. Молятся. И всё. Никакой фантазии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.